

Глава 9

Стоило им войти в деревню, как пришлось то и дело отвечать на приветствия односельчан. Дорога после недавних дождей еще не просохла, и серая пыль вперемешку с грязью летела из-под колес, пачкая штанины до самых колен.

У раскидистого старого гинкго, что рос на краю гумна, собралась целая толпа. Люди оживленно переговаривались, и их горящие любопытством взгляды выдавали крайнюю степень заинтересованности — видать, обсуждали что-то поважнее повседневных дел.

Тао Циньюй сразу заметил в самом центре своего младшего третьего дядю, Ян Цюэ. Тот, будучи мал ростом, подался всем телом вперед, жадно внимая словам какой-то женщины. На круглом лице дядюшки то и дело расцветала довольная улыбка, становясь всё шире с каждой фразой.

«Чему это он так радуется?»

— Младший третий дядя! — окликнул его Циньюй.

— Вернулись! — Ян Цюэ резко обернулся и, просияв, вскочил со своего места.

Он тут же подхватил Циньюя под локоть и потащил в сторону дома, тараторя на ходу:

— Твой младший папочка уже все глаза проглядел, гадая, где вы застряли. Вот я и сказал, что выйду вас встретить.

— И в итоге встретил нас под деревом гинкго? — усмехнулся племянник.

Ян Цюэ весело хмыкнул:

— Ну, вас долго не было... — он заговорщицки понизил голос, и в глазах его заплясали искры.
— Угадай, что я только что узнал?

— В следующем году налоги снизят?

Лицо дядюшки мгновенно вытянулось.

— Да бог с тобой, какое там... Хорошо, если еще больше не задерут.

— Что же тогда?

— Эту злыдню Цай побили!

Цинъюй замер на месте:

— Шутишь?

Тао Синъюн, до этого шедший чуть позади, невольно прибавил шагу, прислушиваясь к разговору.

— Какое там «шутишь»! — радостно воскликнул Ян Цюэ. — Вся деревня только об этом и гудит, а кое кто даже своими глазами видел.

— И кто же это сделал?

— Да тот самый «идеальный жених», которого она сосватала, — дядюшка не выдержал и звонко рассмеялся. — Ты ведь помнишь, как эта гадина пыталась тебя с тем Вань Шанья свести? Пока твой младший папочка скандал не устроил, дело так и висело. Но деньги-то у семьи Вань эта корыстная баба уже взяла, так что пришлось ей срочно искать другую жертву.

Он перевел дух и продолжил:

— И нашла ведь — гээра из соседней деревни Сяомяо. Сирота, сам младших братьев да сестер тянет. Только парень тот оказался не промах: не поверил ей на слово и сам решил на суженого взглянуть. И что бы ты думал?

— И что же? — подыграл ему Цинъюй.

Ян Цюэ с силой хлопнул в ладоши:

— Ха! Аккурат столкнулся с этим Ванем, когда тот из лечебницы выходил. Глядь — а он хромой на обе ноги! Гээр в слезы: мол, сваха его обмануть хотела, в дом к калеке заманить. У парня хоть родителей и нет, зато родня боевая — человек тридцать примчались к свахе Цай порядок наводить. Всыпали ей по первое число за лживые речи! Эта старая карга теперь из дома носа не кажет.

Собеседник гордо сложил руки на груди, самодовольно покачивая головой:

— Вот теперь посмотрим, кто к этой гнилой душе за сватовством пойдет. Считаю, разбила она свою миску, из которой хлеб ела.

— Поделом ей, — глухо бросил Тао Синъюн.

Цинъюй посмотрел на своих родных, и в груди его разлилось приятное тепло.

Стоило им толкнуть калитку и войти во двор, как из поленницы под навесом показалась маленькая желтая мордочка.

— Тяф-тяф!

Сяо Хуан, переваливаясь на коротких лапках, кубарем выкатился навстречу хозяину. Он вилял хвостом так неистово, что его то и дело заносило на поворотах. Юноша, бросив все дела, подхватил щенка на руки.

— Что так поздно? Неужто рыба сегодня плохо шла? — Фан У вышел из кухни, вытирая руки, и принялся помогать мужу разгружать тележку.

Цинъюй тем временем возился со щенком, нежно воркуя и почесывая его за ушком.

— Грязный же, Цинъюй! — Фан У нахмурился, не в силах скрыть своего недовольства.

— Всё равно потом мыться буду, — отмахнулся сын.

Опустив на землю наевшегося досыта щенка, юноша подбежал и крепко обнял своего младшего папочку. Тот хоть и ворчал про «несносный запах рыбы», но отстраняться не стал.

Из главной комнаты донесся голос Тао Юяна:

— Цинъюй, ты есть-то собираешься?

— Иду, дедушка!

Смыв с себя дорожную пыль и запах рыбного рынка, Цинъюй переделся в поношенную, выцветшую до бледно-синего цвета рабочую одежду. Мокрые волосы тяжелыми прядями лежали на плечах.

Заметив это, Фан У тут же затащил его на кухню поближе к огню.

— Совсем о себе не думаешь, простудишься ведь! — он выхватил полотенце из рук сына и принялся энергично растирать ему голову.

Цинъюй сладко зевнул и, прислонившись к плечу папы, обессиленно пробормотал:

— Как же хочется есть...

— Кто тебе мешал сначала пообедать, а потом уже в воду лезть? — беззлобно проворчал Фан У.

В семье Тао жили небогато, но за стол садились исправно трижды в день. Завтрак был скудным — лепешки из грубой муки да жидкая каша. Если бы не та мясная лепешка, которой его днем угостили, Цинъюй сейчас бы точно свалился от усталости.

Домашние пообедали, не дождавшись возвращения торговцев, так что еду пришлось разогреть. Пока младший папочка хлопотал у плиты, юноша уселся у печи, подбрасывая дрова в огонь.

Вскоре на столе появились миска с обжаренной в свиных шкварках капустой и тарелка с тертой редькой. В крестьянском доме печь всегда пышет жаром: стоило овощам коснуться разогретого дна сковороды, как остатки жира мгновенно растаяли, наполняя кухню манящим ароматом.

Цинъюй глубоко вдохнул, зажмурившись от удовольствия:

— Ох, как же пахнет!

Фан У усмехнулся, ловко помешивая овощи:

— Когда живот пустой, любая еда ароматной покажется.

В этот момент в кухню вошел Тао Синъюн с полотенцем на плече. Цинъюй послушно поднялся, уступая место отцу. Почувствовав, что в доме подозрительно тихо, он огляделся и спросил:

— А где мелюзга?

— Дядя Сяо Цзинь вернулся, забрал их к себе поиграть.

Дядя Сяо Цзинь, или Тао Цзинь, был младшим сыном третьего дедушки, Тао Юфана. Шло двадцать восьмое число двенадцатого месяца, и этот человек, будучи единственным в роду Тао, кто по-настоящему учился в академии, наконец вернулся домой. Ныне он служил счетоводом в уезде и считался самым успешным в семье. У него был старший гээр, Тао Юйцзюэ, который был на три года старше Цинцзя, и все младшие с малых лет привыкли держаться вместе.

— Наверняка опять заставил их иероглифы писать, — предположил Цинъюй.

— И слава богу, — отозвался Фан У. — Уж лучше пусть учатся, чем как ты в детстве — диким лешим по лесам да оврагам скакать.

— И всё же лешим быть куда приятнее, — совершенно серьезно возразил юноша.

Фан У лишь холодно хмыкнул:

— И какой же леший возвращается домой пообедать? Сидел бы на горе да ягоды собирал, раз так воля дорога.

Цинъюй весело рассмеялся, решив больше не испытывать терпение папы.

После обеда Цинъюй прилег и мгновенно провалился в сон. Проснувшись ближе к вечеру, он первым делом проверил рыбок в больших деревянных чанах на заднем дворе. Подхватив сачок и взяв с собой Сяо Хуана, он направился к выходу.

— Возвращайся пораньше, — напутствовал его Фан У. — Поймай побольше рыбы, завтра нужно будет отнести второму и третьему дедушкам.

— А завтра мы не продаем рыбу?

— Завтра у твоего третьего дедушки свинью режут, какая уж тут торговля? На «кровавый обед» вся родня соберется.

В конце года это был едва ли не единственный шанс по-настоящему сытно поесть мяса. А рыба никуда из пруда не денется.

— Понял, всё сделаю.

Разведение золотых рыбок требовало внимания. Обычно Цинъюй был слишком занят, и лишь во второй половине дня мог выбраться на поиски корма. Его питомцы больше всего любили водяных блох — рачков, которые в изобилии водились в стоячих канавах и заброшенных арыках.

Юноша шел вдоль окраины деревни, внимательно вглядываясь в водную гладь. Вскоре он заметил густые красные пятна на поверхности — скопления водяных блох.

Выбрав удобное место, Цинъюй поставил ведро и отпустил щенка. Сяо Хуан, задржав хвост, принялся увлеченно обнюхивать траву, а затем осмелел и отправился исследовать

окрестности.

Цинъюй взял сачок. На самом деле это была рамка с натянутой тканью, которая отлично пропускала воду, задерживая мелких рачков. В деревне никто этим не занимался, так что добычи было в избытке — за несколько взмахов дно ведра покрылось живым алым ковром.

Юноша решил наловить побольше: то, что рыбки не съедят сейчас, можно засушить впрок. Внезапно тишину нарушил звонкий щенячий лай, а следом раздался мягкий, знакомый голос:

— Сяо Юй!

Цинъюй просиял. Это был Цинь Чжу!

Бросив сачок, он бросился навстречу другу и крепко его обнял.

— А Чжу! Ты же говорил, что вернешься только после Нового года?

Друг застенчиво улыбнулся:

— Матушка велела возвращаться пораньше. Сказала, время смотрин настало.

— Но тебе же всего шестнадцать!

— Шестнадцать — возраст немалый, — А Чжу прижался к нему.

На гээре был длинный халат цвета сочной зелени, а сверху — короткая безрукавка, отороченная кроличьим мехом. Мягкий ворс приятно касался лица.

Цинь Чжу был единственным близким другом Цинъюя и младшим сыном старосты. Утонченный, умеющий вкусно готовить и искусно вышивать, он был воплощением идеального гээра в глазах односельчан. Они выросли вместе и были близки настолько, будто их родила одна мать.

— Тяф!

А Чжу отстранился и подхватил на руки пухлого щенка.

— Ты же говорил, что после смерти старого пса больше никого заводить не станешь. Откуда этот взялся?

— Да чуть вор в дом не залез, пришлось передумать.

Сын старосты в ужасе прикрыл рот ладонью:

— Неужели в нашей деревне воры завелись? Ничего не пропало?

— Всё в порядке, отделались испугом.

Юноша погладил щенка по голове:

— Ну и правильно, с собакой спокойнее.

Раз пришел лучший друг, Цинъюй быстро закончил с рачками. Помня о наказе папы насчет рыбы, он направился к заводям, где вода была почище. А Чжу шел следом, наперебой рассказывая о том, как гостил у дедушки. Цинъюй слушал, изредка вставляя словечко-другое.

Вспомнив о предстоящих смотринах, он спросил:

— Стало быть, дедушка велел вам вернуться?

— Угу. Он уже и жениха присмотрел.

— Из какой семьи?

Собеседник понурил голову, и его веселость мгновенно улетучилась.

— Мне не сказали.

— Но у тебя ведь есть тот, кто дорог сердцу?

А Чжу принялся носком сапога ворошить сухую траву.

— Что толку в чувствах, если дедушка не даст согласия?

Всех гээров в их семье выдавали замуж по выбору старика. Окружающие твердили, что это самые завидные браки, но юноша знал правду: его старшие братья жили серо и уныло. В лучшем случае их отношения с мужьями ограничивались холодным почтением.

— Если я смогу хоть чем-то помочь — только скажи.

А Чжу схватил Цинъюя за руку и затряс её, его хандра исчезла так же быстро, как и появилась:

— Знаю, Сяо Юй, ты у меня самый лучший! Мне пора — обещала маме овощей к ужину собрать.

— Я с тобой, — Цинъюй выбрал несколько крупных рыбин и положил их в корзину друга.

Тот не стал спорить, лишь благодарно улыбнулся.

Проводив Цинь Чжу, Цинъюй поспешил домой. Едва он скрылся из виду, как гээра окликнул его собственный дед.

— Опять с Цинъюем возишься?

— Дедушка, вы же сами видели, — отозвался А Чжу.

— Видеть-то видел. Сколько раз твердил тебе — не водись с ним, слышишь, что о нём в округе болтают?

— Дедушка...

— Ладно, будет тебе. Завтра оденься понаряднее, поедем со мной в уезд, — строго произнес староста Цинь.

А Чжу понял: пришло время знакомства с женихом. Улыбка сползла с его лица. Он лишь тихо буркнул «хорошо», разглядывая землю под ногами.

На следующее утро тишину над деревней Баоцюань разорвал истошный визг.

Мужчины из семьи Тао с рассветом отправились к Тао Юфану на подмогу. Откормленного за год борова прижали к земле несколько крепких парней. Белый нож вошел в плоть, красный — вышел.

Кровь хлынула тугой струей прямо в подставленный деревянный таз. Цинъюй, заворуженно наблюдавший за процессом, бросил горсть соли в багровую жидкость, но тут же почувствовал, как кто-то бесцеремонно схватил его за шиворот.

— Цинъюй, а ну брысь отсюда! Чего ты тут забыл? Не дело это — гээру на кровь глазеть, ишь какой смельчак выискался.

Это была его третья бабушка. Юноша лишь рассмеялся:

— Я каждый день рыбу потрошу, какая разница? На свинью смотреть даже интереснее, ничего тут страшного нет.

— Эх ты, горе луковое, лучше бы чему полезному поучился.

— Так я и учусь! — Цинъюй шутливо прикрыл голову руками.

В те времена в деревнях растили местных черных свиней. Сто цзиней веса считалось уже отличным результатом. Ошпаренную тушу выложили на огромный котел, установленный прямо над ямой с кипятком. Запахло паленой щетиной и горячей водой.

Мужчины быстро обскоблили тушу, затем подцепили задние ноги крюками и подвесили на деревянную лестницу. Мясник одним точным движением вспорол брюхо — легко, будто разрезал свежий соевый творог.

Из нутра повалил густой пар. Сначала вынули внутренности, затем отсекли голову и разрубили тушу пополам. Части перенесли на снятые с петель двери, служившие столами, и принялись разделывать на ровные куски. Самый сочный кусок тут же отправили на кухню — пора было готовить угощение.

Оставшуюся требуху поручили промыть остальным. В ход пошла древесная зола — только так можно было добела отчистить кишки, промывая их в десяти водах. В семье Тао было полно рабочих рук, так что помощь Цинъюя не требовалась.

Он немного покрутился среди взрослых и решил вернуться к младшим.

— Старший брат, тебя дядя Сяо Цзинь зовет! — подбежал к нему Тао Цинцзя. Мальчишка сиял улыбкой, демонстрируя дыру на месте выпавшего зуба.

— Зачем это я ему понадобился?

Малыш лишь забавно мотнул головой:

— Не знаю, он не сказал.